

13. В будущее, с завязанными глазами

“ Какими бы мрачными ни были предсказания социолога, он всегда заканчивает свой труд на оптимистической ноте. Однако есть случаи, когда его задачей становится описание ситуации такой, какая она есть, без успокаивающей альтернативы. В социальных науках нет такого требования — обязательно давать благоприятный прогноз; существует зло, от которого нет лекарств.

— Льюис М. Киллиан. Невозможная революция? с. xv.

“ Человеческое предприятие в целом - это машина без тормозов; нет никаких гарантий, что мировые политические лидеры начнут реагировать на происходящее, пока не начнется катастрофа. Богатые страны используют ресурсы с откровенным пренебрежением к будущим поколениям; бедные страны, в свою очередь, неспособны остановить рост своего населения — все это подрывает надежду на лучшее будущее. В таком мире, заявления и манифесты, не учитывающие императивы перенаселенности, — пустые слова. Все свидетельствует о том, что мы уже перешли через точку, за которой поворот невозможен, и стоим у края, за которым начинается трагедия человечества.

— Стюарт Юдол, Чарльз Конкони, Дэвид Остерхоут. Энергетический пузырь, с. 271.

“ Пока Соединенные Штаты будут продолжать считать, что "чем больше, тем лучше", все наши усилия повысить энергетическую эффективность — в том числе за счет малых автомобилей, общественного транспорта, технических инноваций — приведут лишь к пяти, десяти, может быть, пятнадцати годам дополнительного времени; самозабвенно поддерживая общество потребления, в котором лишь выкапывают, сжигают, строят, а затем выбрасывают, мы крадем у наших детей и внуков остатки ресурсов планеты.

— С. Дэвид Фримен. Энергия: Новая Эра, сс. 330, 333— 334.

Главные черты радикально альтернативной технологии уже известны... В отличие от технологии бульдозеров и супертанкеров, мы создадим ее на основе экологических и термодинамических законов, совместимых с одновременным существованием человека и природы на неограниченно долгое время.

— С. Уильям Офулс. Экология и политика дефицита, с. 126.

Но мы же люди!

Многие скажут: мы не сапрофиты, и метафора нас не волнует. В конце концов, мы — люди, и с нами не может произойти ничего плохого.

Как бы хотелось верить в это! Но если верить в то, что катастрофа не случится, она обязательно произойдет. Принципы экологии применимы для всех существ без исключения. Полагать, что наша человечность ставит нас выше законов, значит обманывать самих себя. Речь не о судьбе дрожжей в винных бочках или сапрофитах. Речь о том, что мы отступаем в будущее с закрытыми глазами, не видя природы нашего образа жизни. Время снять повязку с глаз, и взглянуть в будущее.

Для всех биологических видов закон один: взрыв популяции, превышение несущей способности, вымирание. Взрыв популяции может произойти у любого вида, который получает доступ к крайне продуктивной, но ранее недоступной, среде обитания [1]. Среда при этом должна содержать достаточно ресурсов для вторгающегося вида, а также характеризоваться незначительной конкуренцией со стороны хищников или других видов с аналогичными требованиями в отношении данной среды.

В заключительных главах книги вы не найдете волшебного рецепта, как избежать катастрофы. Такого рецепта не существует, если организмы превысили несущую способность среды. Данная книга отличается от других прежде всего тем, что в ней признается этот неприятный факт. Признание этого факта приводит к важным прозрениям. Даже те, кто глубоко разбирал экологические причины нашей сложной ситуации, не смогли избежать искушения сохранить надежду на изобилие; во многих книгах нас убеждают в том, что экологическая грамотность может отвести природную катастрофу, вызванную нашим чрезмерным успехом [2]. Но увы! мы опоздали. Единственно, что нам остается, это проанализировать подобную ситуацию, с которой уже сталкивались люди и другие биологические виды в прошлом, и мудро встретить будущее.

С людьми это уже происходило

Взрыв популяции и последующая катастрофа произошли с народом, населявшим остров Пасхи. Мало кто из нас, живущих в индустриальных странах северного полушария, задумывался об этом небольшом треугольном кусочке земли, площадью 45 квадратных миль, затерянном в Тихом океане и отстоящем от чилийского берега так же далеко, как

Гавайи от Калифорнии. Тем не менее, история этого острова имеет для нас жизненно важное значение.

Остров Пасхи находится на расстоянии 1400 миль от ближайшего населенного острова. Во времена Христа, несколько заполненных полинезийцами каноэ пристали к безлюдному острову. Среди взятых с собой вещей полинезийцы привезли живых цыплят. Маловероятно, что они знали о существовании острова, и, скорее всего, натолкнулись на него случайно; в любом случае они были готовы к длительному плаванию — возможно, из-за перенаселенности своего острова, расположенного где-то в Полинезии. На юго-востоке Тихого океана они обнаружили пригодный для жизни богатый необитаемый остров. Поселившись на острове, они стали разводить цыплят, огороды и ловить рыбу в прибрежных водах; сам же остров стали называть "Те Пито о те Хенуа", т.е. "Пуп Земли".

Как пишет Мюллой, несколько столетий назад островитяне, возможно, были весьма уверены в будущем и в непоколебимости своих достижений. Подобно человеку двадцатого века, они достигли большого успеха в освоении острова. Будучи под защитой своих обожествленных предков, стоявших спиной вдоль берега для защиты острова от океана и глядевших горделиво внутрь острова на свои достижения, предприимчивые островитяне, должно быть, радовались тому, что их успех вечен.

Но вскоре пришла беда, и отнюдь не из-за океана. Сорок пять квадратных миль — довольно ограниченная природная среда, а при постоянной работе по возведению религиозных монументов островитянам требовалось достаточное количество пищи. Потенциал производства пищи, вероятно, не был полностью исчерпан, хотя пределы его были достигнуты. Этот потенциал, зависел от непрерывной поддержки высоко скоординированного социального механизма. Малейшее нарушение этого механизма могло привести к гибели многих людей. В легенде [рассказанной предками] идет речь о войне, начавшейся в результате разногласий по поводу предложений повысить производительность земли путем ее освобождения от монументов и сбрасывания их в море. В итоге население разделилось на две группы, между которыми произошло большое сражение вдоль склонов вулкана Поике. [По рассказам] одна из групп была полностью истреблена [4].

Социальный хаос царил на острове достаточно долго, смертность возрастала, пока не осталось всего несколько сот человек.

С помощью углеродного анализа и генеалогических исследований установлено время возникновения конфликта на острове — приблизительно 1680 г. Те, кто выжил, превратились в постоянно враждующие между собой банды; они поджигали урожай, разоряли рыбаков, убивали людей в качестве добычи. "До сегодняшнего дня, — отмечает Мюллой, — местное население помнит легенды о произошедшей катастрофе, разбитых надеждах, внезапно остановленном строительстве. Сотни гигантских творений остались незаконченными, тысячи каменных инструментов лежат там, где их бросили мастера".

Ко времени обнаружения острова европейцами (в пасхальное воскресенье 1722 г.) его население, по-видимому, сократилось вдвое, до 3000 - 4000 человек. Незадолго до

катастрофы, следовательно, плотность населения приблизительно соответствовала средней плотности населения в штатах Мичиган и Индиана (по данным 1970 г.). Смертность по-прежнему продолжала превышать рождаемость, и к 1886 году на острове осталось 155 чел.

Демографический анализ показывает, что *Homo sapiens* так и не усвоил данного урока. К 1900 г. население острова возросло до 213 человек, к 1934 г. до 456 человек. К 1955 г. их было уже 842. В 1969 г. — 1432. К тому времени, когда Мюллой написал свое исследование (статья вышла в 1974 г.), на острове Пасхи было 1619 человек. Средний прирост населения за этот период составил более 3% в год, а это значит, что население удвоилось за одно поколение.

Для остального мира, в эпоху глобального превышения несущей способности, задача заключается в минимизации тяжести и бесчеловечности неизбежной катастрофы, к которой мы все движемся. Возможно, для человечества высокий уровень смертности, вызванный естественными причинами (напр., микроскопическими организмами) менее тягостен, чем смерть от безжалостных садистов-людей. Роль экологического просвещения на данный, запоздавший, момент заключается в том, чтобы избежать геноцида подобного тому, который произошел на острове Пасхи. Если, превысив несущую способность земли, нам не удастся, все же, избежать катастрофы, то, возможно, понимая реальные экологические причины происходящего, мы сможем остаться людьми при самых тяжелых обстоятельствах — не позволив себе превратиться в зверей.

Четкое понимание происходящего может удержать нас от причинения друг другу ненужных и непростительных страданий.

Учиться искать общие причины

Когда взрыв популяции превышает несущую способность среды, коллапс происходит по-разному среди людей, животных или растений, и никто не застрахован от вымирания. Переход к новой несущей способности также различен для растений, животных и людей. Но эти различия не затрагивают основной принцип — вымирание в результате превышения несущей способности.

Конкретные причины вымирания, например, многоклеточных растений, могут отличаться от тех, которые вызывают смерть дрожжевых клеток или водорослей. Согласно Элтону [5], в 1840-х гг. канадская водоросль *Elodea Canadensis* была случайно завезена в Британию на американской древесине. Сначала она быстро размножилась в реках, каналах и озерах, однако после 1860-х гг., пошла на убыль "и с тех пор не представляла реальной угрозы окружающей среде... Причины ее упадка... могут иметь генетическую природу или же указывать на истощение некоторого редкого элемента, который входил в ее рацион". Ясно, что различия между водорослями и многоклеточными растениями не существенны, если речь идет о процессе вымирания. Аналогично, мы не можем рассчитывать на то, что нас этот закон не коснется, потому что мы "другие".

Возьмем пример из царства животных. В 1944 г. 29 оленей были завезены на остров, отстоящий от острова Пасхи на 7000 миль к северу-западу — остров Св. Матфея, занимающий 128 квадратных миль в Беринговом море; площадь вполне достаточная для их жизнеобеспечения [6]. В 1957 г. оленей насчитывалось уже 1350 шт. К 1963 г. стадо возросло до 6000 особей. Оценки несущей способности острова дают такие цифры: для 13—18 голов на кв. милю несущая способность равна 1600—2300 особей. В 1963 г. популяция, следовательно, в 2,6 раза превышала несущую способность острова. По крайней мере, 3700 оленей были избыточными. Это не означало, однако, что при вымирании "лишних" оленей, популяция вновь стабилизируется на уровне несущей способности острова. Превышение несущей способности ведет к необратимому разрушению среды обитания, поэтому после коллапса популяция резко падает до уровня, который ниже уровня устойчивости. Стадо, уничтожающее всю траву, не оставляет шанса для своего потомства. В 1966 г., спустя только три года после достижения максимальной популяции, на острове св. Матфея осталось всего 42 оленя.

Олени отличаются от *Elodea Canadensis* в такой же степени, как последняя отличается от дрожжевых клеток (или как мы отличаемся от оленей). Но как только наступают соответствующие условия, все организмы проходят одинаковую последовательность от взрыва популяции до ее вымирания.

Без защиты

Из приведенных выше примеров видно, что вымирание популяции, вызванное быстрым размножением, может наступить и при отсутствии голода как такового. В отличие от канадской водоросли, умершей в Британии от нехватки питательного элемента, и оленей, уничтоживших лишайники, от которых зависело их существование, люди на острове Пасхи вызвали экологическую катастрофу, развязав войну. Война нарушила привычный механизм добывания пищи и привела к голоду. С другой стороны, исследование взрыва популяции оленей Сика на острове Джеймс в Мэриленде показало, что олени были достаточно упитаны и не подвергались атакам со стороны хищников. Рост их популяции блокировался физиологическими нарушениями, вызванными поведенческим стрессом (установлено в результате вскрытия); последний был связан с высокой плотностью их популяции [7].

Извлекая уроки для человечества, мы должны, во-первых, признать, что различие между видами не является препятствием для общего принципа "взрыв популяции --> вымирание". Во-вторых, мы должны признать, что даже при временном избытке пищи, катастрофа может быть неминуемой. В-третьих, как следует из Главы 10, мы должны признать, что организованные действия, направленные на жизнеобеспечение населения с помощью новейших технологий, также ведут к разрушению среды обитания. Конфликты между отдельными группами населения, а также конфликты между странами, могут серьезно уменьшить несущую способность, о чем уже сообщал Самнер (см. Главу 5).

Очередь и как ее обойти

То, что Мюллой обнаружил для острова Пасхи, справедливо и для современного общества: производство необходимых средств существования зависит от координации социальных механизмов. Однако эти механизмы довольно хрупки. Если они разрушаются, эффективная несущая способность падает, оставляя разросшееся население перед угрозой катастрофы.

Для того чтобы понять, насколько радикально экологические законы воздействуют на социальные процессы, рассмотрим одну из форм социального поведения — формирование очередей и терпеливое ожидание своей очереди. Представьте себе крупный городской банк в будний день. Формируется очередь, т.к. сотрудники не успевают обслуживать всех клиентов [8]. Клиенты вынуждены ожидать своей очереди некоторое время, понимая, что все находятся в равных условиях, а также будучи уверенными, что эта задержка не помешает их бизнесу.

В условиях постэкзуберантного мира (за пределами банков) эта уверенность исчезает. Рассмотрим, как ведет себя отдельный человек. Он сдерживает себя с целью максимально реализовать свои интересы, и это сдерживание зависит от понимания им ситуации и уверенности во взаимности со стороны других лиц. Сильные представители *Homo sapiens* обычно (в нормальной ситуации) не расталкивают слабых. Клиент, который оказывается хорошим знакомым банковского служащего, обычно не использует свое преимущество. В особых случаях очередь может делать небольшие исключения, но если таких исключений слишком много, люди начнут возражать. Вера в то, что стоящие в очереди могут вести себя пристойно, начнет падать, и, в конце концов, очередь может перейти во всеобщую перепалку.

Перепалка может представлять собой временное неудобство, если банк, в целом, функционирует нормально. Но если клиенты не захотят стоять в очереди из-за опасения, что банк несостоятелен, тогда волнения могут быть гораздо серьезнее. На самом деле, банки часто становятся несостоятельными из-за паники, возникающей среди клиентов, лихорадочно снимающих деньги со счетов, чтобы опередить остальных [9]. До момента изобретения схемы страхования вкладов (объединяющей резервы многих банков для защиты от банкротства) паника среди клиентов была вполне реальным и нередким явлением.

В предыдущих главах я сравнивал запасы природных невозобновляемых ресурсов с запасами банка. В постэкзуберантном мире природный банк все более становится подверженным банкротству и панике. Растущий страх того, что ожидание своей очереди может сильно затянуться, или вообще ваша очередь не наступит, поскольку не все клиенты будут обслужены, приводит к тому, что раздается громкий крик: "Брать всё — сейчас или никогда!".

Для природного банка не существует системы страхования вкладов за исключением естественной биогеохимической переработки [10]. В предыдущих главах мы видели, насколько темпы извлечения депозитных средств из этого банка превышают темпы накопления. Если бы человек полностью положился на возобновляемые ресурсы, для паники не было бы оснований. Но тогда мы не достигли бы такой продолжительности жизни и такого высокого уровня жизни, который обычно ассоциируется с американской мечтой. Тот

факт, что такая паника уже началась, обусловлен растущей зависимостью от невозобновляемых ресурсов — сбережения банка тают, а поступлений нет.

Как только большинство догадалось, что мы живем в перенаселенную эпоху, все стали опасаться конкурентов, каждый находится в ситуации, когда его могут посчитать лишним [11]. В результате, возникло непреодолимое желание доказать, что статус "лишних" людей относится не к нам, а к другим. Это желание, по крайней мере, частично, является причиной воинствующих социальных выступлений (иногда в сочетании с асоциальным эгоизмом). Когда разные толпы выкрикивают лозунги то за, то против чего—либо, они подразумевают следующее: "Это вы, — а не мы,— лишние !" (Каждая конкретная толпа использует свой эпитет, как то: "вы — белые расисты!", "вы — черные подонки!", "вы — грязные хиппи!", "вы — мужские шовинисты!", "вы — свиньи-фашисты!" и т.д. Эти частности, как правило, скрывают главную причину выступлений). Тревога по поводу того, что вас сочтут "лишним", ведет к паническому поведению.

Паника — это противоположность упорядоченной очереди. Она возникает, когда пропадает уверенность членов общества в друг друге; очередь разваливается и уступает принципу "каждый за себя" [12]. Социологи обнаружили, что такое поведение возникает из-за: (1) общего страха перед серьезной и скорой опасностью, (2) боязнью того, что возможности для побега ограничены, (3) уверенностью в том, что эти возможности уменьшаются, и (4) отсутствием нормального общения по поводу опасности.

Социологи, как и политики, и их когда-то процветающий электорат, сначала не обращали внимание на участвовавшие симптомы глобальной паники. Во всем мире асоциальные выступления стали обычной реакцией на предчувствие неминуемой катастрофы.

"Свободу немедленно!", "Остановить бомбежку немедленно!", "Объединим Ирландию немедленно!", "Остановим загрязнение немедленно!", "Покончим с апартеидом немедленно !" (Интересно, что инициалы N.O.W. (немедленно) означали одну из женских организаций, борющихся за освобождение женской половины человечества от ограничений, стресса и фрустрации — разумеется, это движение не учитывало реальные корни плачевного положения женщин в постэкзуберантном мире). В 60-х и 70-х гг. многие группы пришли к выводу, что своих целей они должны достигать немедленно. Некоторые группы опасались, что "будущее" может и не наступить. Действительно, когда будущее уходит из поля зрения, взаимная терпимость, выдержка и желание находить компромисс сменяются страхом за навеки упущенную возможность. Поэтому средства выживания перестают быть "предметом для переговоров". Игнорировать очередь становится все более привычным занятием.

Расталкивание локтями и противодействие

Полвека назад, когда унижение человечества со стороны нацистов поразило весь мир, мы еще плохо разбирались в экологической парадигме, позволяющей объяснить "расталкивание локтями" одних людей другими. Нам следует задуматься, почему

безусловное поражение немцев в 1945 г. не отвело угрозу дегуманизации и почему другие великие народы способны встать на тот же трагический путь [13].

Имперская Германия находилась во главе индустриальной европейской цивилизации. Хинденбург, последний президент злополучной Веймарской республики, написал в своем завещании, датированном 11 мая 1934 г., о том, что немецкий народ призван "пройти трудный путь на Голгофу". "Мир не может понять того, — сказал он, — что Германия это основа западной цивилизации..." [14]. Поражение в Первой мировой войне и последовавшее за этим унижение, усугубленное колоссальными экономическими трудностями, оставили миллионы немцев с неутоленным желанием доказать миру их значимость. Теперь мы видим, что геноцид, развязанный нацистами, уже имел место на острове Пасхи.

В то время, конечно, никто не отваживался давать истории экологическое обоснование, т.е. рассматривать избыточность мирового населения как источник социальных и политических патологий. Тем не менее, победоносные союзники наложили на своих соперников после Первой мировой условия, которые, по сути, означали: "немцы лишние". Репарации легли на немцев тяжелой ношей и постоянно напоминали об унижительном положении. Отчаянная реакция последовала со стороны Немецкой рабочей партии уже в 1920 году, одним из ее первых семи членов был Адольф Гитлер; вскоре рабочая партия превратилась в нацистскую партию. Ее программа требовала не только "объединения всех немцев в Великую Германию" и предоставления им прав других народов, но и "отмену мирных соглашений в Версале и Сен Жермене", и "земель и территорий (колоний) для поддержания нашего народа и расселения излишков населения". В дополнение к этому, нацистская партия требовала лишения германского гражданства всех, кто не имел "немецкой крови", в частности, евреев, и запрещение иммигрировать в Германию тем, кто не имел немецкого происхождения" [15].

Таким образом, нацизм, это частично реакция нации на то, что ее посчитали "лишней". Вот почему многие случаи политического активизма 60-х и 70-х годов так напоминают нацистские выступления 1930-х годов.

Период 1933—1945 показал, до какого зверства могут дойти человеческие существа, когда исторические (или экологические) обстоятельства вынуждают одну группу людей объявлять другую группу "лишней". В этом случае приходит геноцид.

В начале 30-х годов Гитлер и его окружение обращались к отчаявшимся немцам с теми же словами, что и различные группы 60-х: "Мы не лишние!" На языке нацистов это означало, что, на самом деле, "евреи лишние". Для подкрепления этого взгляда и своих действий они утверждали, что "Отечество несправедливо вытеснено со своего законного места в цивилизационной очереди. Поэтому немцам следует применить силу и опять встать в ряд с другими народами". Подставьте вместо "Отечества" отвергаемую идентичность любой группы — будь то раса, класс, профессия, пол или вера — и вы увидите общую закономерность постэкзуберантного существования, для которого нацизм выступает как зловещая прелюдия.

После Второй мировой войны мы пришли к выводу о том, что "лишними" были фашисты, а не немцы как таковые. Даже длительная оккупация и разделение Германии на две республики не напоминали о силах, развязанных нацистами. Поражение и оккупацию Японии весь мир также воспринял как свидетельство того, что "лишним" был японский милитаризм, а не японский народ.

Это ставит под вопрос тезис капитализма о "полезности" конкуренции, в особенности, для условий постэкзуберантного мира. — Прим. перев. "Я тоже берлинец" (нем.). — Прим. перев.

Силы, приведшие в прошлом к ужасным отклонениям, тем не менее, вновь проглядываются. "Расталкивание локтями" и противодействие этому расталкиванию стали обычными явлениями в послевоенный период. Возрождение самоутверждения наций по всему миру указывает на то, что "решение национального вопроса" Гитлером не обязательно было последним проявлением геноцида; не исключен приход какого-нибудь сумасшедшего тирана или доведенного до отчаяния народа, которые выберут некую группу людей и попытаются свести с ними счеты. Выбор "козла отпущения" стал весьма распространенным приемом в эпоху колоссального стресса и всеобщего отчаяния. Расталкивание локтями и сопротивление этому расталкиванию стало повсеместным.

Эти явления должны указывать на то, что способность Homo sapiens к упорядоченной социальной жизни значительно подорвана антагонизмом. Как мы уже знаем, человеческий антагонизм может возникать на почве экологического антагонизма [16].

Конец цивилизованности

Чем дальше мы находимся в неведении относительно процесса саморазрушения, тем больше вероятность стать его жертвой. На протяжении веков, преодолевая препятствия на своем пути, человеческие существа учились прятать свои локти и становиться цивилизованными, т.е. относиться к другому человеку не как неодушевленному объекту или сопернику, а как сочувствующему. Однако взрыв народонаселения и технологий оказал такое сильное воздействие на природу человека, что в итоге прогресс цивилизованности приостановился. Отношения соперничества опять вышли на первый план.

Демографический стресс приводит к повышенному трению между людьми. Как заметил Самнер, ссоры и разногласия уменьшают эффективную несущую способность среды, антагонистические отношения ослабляют наши действия и наши ресурсы. Мы только усугубляем наше положение⁴⁹.

Рассмотрим, например, такой факт. Во времена выступления президента Кеннеди в Западном Берлине с речью "Ich bin ein Berliner"⁵⁰, по всем Соединенным Штатам прокатилась волна строительства семейных бомбоубежищ. Такое строительство поддерживалось правительством, полагавшим, что таким образом повышается "надежность" национальной противоядерной обороны. Однако построившие убежища семьи стали опасаться того, что в случае начала термоядерной войны многие будут пытаться во что бы то ни стало проникнуть в убежище соседа. Некоторые люди начали оснащать свои

убежища не только запасами консервов и воды, но также и оружием для отпугивания непрошенных гостей.

Десять лет спустя такое соперничество между людьми переросло в соперничество между народами. Австралиец сэр Филипп Бакстер, бывший председатель Комиссии по атомной энергии, предсказал, что страны северного полушария почти наверняка разрушат себя в атомной войне. Выжившие будут искать убежище в Австралии, т.к. север будет непригоден для жизни. "Для них потребуется гораздо больше ресурсов, чем мы можем обеспечить", — отметил он, очевидно понимая ограниченность несущей способности Австралии. — "Они не будут заинтересованы в нашем выживании". Он также поддержал решение австралийского правительства оставить открытым вопрос о приобретении атомного оружия. Свое мнение он пояснил тем, что австралийцы должны сами решать, кого пускать в их страну, а кого нет [17].

Похоже, что для Австралии, превратившейся в континентальное убежище (с весьма ограниченной несущей способностью), может потребоваться ядерное "ружье", чтобы отпугивать нежелательных беженцев.

И заметьте: данное предложение высказал не какой-нибудь неонацист дважды разбитой Германии. Идею предложил австралиец с дворянскими корнями Британской империи, выступающий за процветание молодой и энергичной нации. Его страна, отличающаяся одновременно большой территорией и большим самомнением, во многих отношениях была более американской, чем сама Америка в 70-х гг.

Эти факты показывают, как мало надежды справиться с эрозией взаимопонимания, это хрупкой основой нашей цивилизованности. По мере того, как нас охватывает все большее отчаяние от растущего дефицита и непримиримой конкуренции, мы становимся все более раздражительными. Все легче мы вовлекаемся в мелкие ссоры, "расталкивая локтями" конкурентов, вовлекаемся в политические и этнические конфликты. И трудно поверить в то, что, несмотря на активные выступления против войны, многие американцы (и их заокеанские друзья) под влиянием фрустрации, в конце концов, отдадут предпочтение войне. Война несет с собой ужасные бедствия, но в условиях серьезного демографического стресса, парадоксально может рассматриваться как единственное решение, т.к. снимает тревогу по поводу "избыточности" населения. Для ведения гражданской войны, враг должен быть представлен как "лишний народ". Если война отбирает много ресурсов, тем более враг объявляется "лишним".

В ограниченной окружающей среде непрерывный рост населения, его активность, его технологии приводят в конце концов к росту антагонизма. Наша повседневная жизнь, включающая дыхание, еду, питье, путешествия, работу, игру и репродуктивную функцию, все больше и больше будет характеризоваться взаимными "помехами".

Версия #2

Зверобой создал 21 апреля 2025 23:07:19

Зверобой обновил 21 апреля 2025 23:12:31